

Андроник РОМАНОВ

Родился в 1967 году в Казахстане. Учился в Карагандинском и Казахском государственных университетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор четырех книг стихов и прозы.

Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Нижний Новгород», «Дети Ра», «Сибирские огни» и других. Лауреат XV Международного Волошинского конкурса. Стихи переведены на английский, французский, арабский языки.

Член Союза писателей Москвы. Главный редактор журнала «Литература». Живет в Москве.

ВАНЮША

– Основное практическое искусство, которому следует учить студентов, – это построение целесообразных сочетаний, – умничаю я.

Она бессмысленно кивает.

Мы идем прогулочным шагом мимо памятника Гоголю в сторону Волхонки от нашего уже любимого ресторанчика со странным для пиццерии названием – «Академия». В этот раз не из-за их щедрой на анчоусы «Маринары». Со дня Юлькиного приезда и первой за прошедшие восемнадцать лет встречи это место стало привычным и вполне себе удобным ориентиром. В шаге от метро и сталинской двушки ее отца в Малом Афанасьевском.

Сейчас она скажет: «Ты знаешь...» Обычный для нее способ переменить тему. Выдержит паузу – это она умеет – и выдаст нечто отвлеченное, обкатанное сотней псевдоинтеллектуальных разговоров.

– Ты знаешь, что ты особенный? – говорит она и останавливается, заслоня собой девушку в черных лосинах, так некстати обогнавшую нас. – Посмотри на меня. Что ты видишь?

Длинный пальчик с расписным коготком касается верхней пуговицы моего пиджака.

Мне совсем не нужно ее рассматривать – я прекрасно помню аккуратное ухоженное лицо, такое же, как и восемнадцать лет тому назад. Потому – взрослый жених и юный любовник, вдвое моложе и, что естественно, вдвое глупее нее, платье от Шанель, гламурная сумочка, чулки и неизменная артистическая осанка. Мне понятна она целиком, вся – с ее страхами, целями и поступками. Забавно наблюдать этот живой завораживающий спектакль вблизи, касаясь ее костюмов и декораций. Она подходит слишком близко, так, чтобы аромат парфюма смешивался

с запахом ее тела. Есть что-то безусловно болезненное в образе эмигрантской поэтессы, который она старательно рисует. Какая-то патетическая шизофрения.

– Почему же ты не любишь меня, сука, если я такой хороший?

– Что ты такое говоришь, Антон?! Зачем так грубо?.. Купи мне лучше кофе... Ты такой циник! И потом, кто тебе сказал?..

– Ну извини, – зло улыбаюсь я. – Лексическая импровизация.

Развязность ее заводит. Я это знаю. Вот он – вспыхнувший румянец, еще слово и – скомканная постель, судорожная возня, стоны и обилие пота. Хотя почему постель? Подойдет любой темный угол, например вон в том подъезде, или густые кусты за теми дворовыми гаражами.

Она смотрит на меня и выдает:

– А женись на мне! У тебя же есть деньги на свадьбу?

– Юля! – улыбаюсь я. – Секс без света и под одеялом... Лучше пойдем пить кофе.

Она теперь проще, банальнее и больше, чем та, которую я знал, – гордую, с задранной головой, идущую к особняку Литературного института так, что оклики – и взлетит. Теперь мне было бы мало ее роскошного тела, а больше ничего и не осталось. Даже теоретически к истории с двумя комплектами ключей, выносом мозга и мусора, что неизбежно при любом продолжении, я не готов. Если расслаблюсь и поплыву в этой лодочке, обязательно ее брошу, и все это плохо кончится. В первую очередь для нее. Я ведь вижу старательно гримируемое сиротство и обреченную надежду разделить с кем-нибудь что-то кроме животного тепла. Да о чем я вообще думаю?.. Я и сам – Петрушка на палочке. Отыгрываю обеспеченную усталость, заглядывая при случае в синий циферблат Ulysse Nardin так, чтобы она их заметила. Эта улыбка, выпитая до самого донышка взрослая девочка.

– *Классно! Мы как взломщики у Сартра! – восемнадцатилетняя Юлька проскальзывает между приоткрытой дверью и здоровенным, на голову выше меня, Василием, тончайшим переводчиком Ронсара, только что вырвавшим эту самую дверь из замка с корнем. – Это ведь черный ход! Василевс, ты кошмарно крут!*

– *Эй, дамочка, не путайте своего беспонтового Леблана с Сартром, – говорю я. – У Сартра нет никаких взломщиков!*

– *Ну, у Борхеса! Какая разница? – Юлька смеется.*

На ней длинная, в пол, темно-серая юбка, широченная бордовая рубаха и огромная куртка.

– *Какая разница?! – я вхожу в душный полумрак подъезда. – Да Борхес...*

– *Что вы разорались?! Интеллектуалы хреновы! Соскучились по ментовке? Давай шустро наверх! Ванюша, не тормози! – Василевс пропускает Ванюшу вперед и с силой захлопывает дверь.*

– Так уж и под одеялом? – в ее голосе капризная игривость. – Слушай, мы не опоздаем? Во сколько спектакль?

– В шесть.

– Может, тогда лучше на такси? Там тоже есть «Шоколадница».

– А давай на автобусе, – улыбаюсь я, замечая триста шестьдесят девятый. – Как раньше. Помнишь?

И мы, взявшись за руки, бежим через дорогу. Автобус битком. Покупаю у водителя талон. Под пиканье валидатора проходим через

турникет. Я протискиваюсь в угол между окном и каким-то странно изогнутым поручнем. Вокруг – подмышки. Она не отстает, и, когда я разворачиваюсь, мы оказываемся лицом к лицу. Автобус трогается, и предсказуемая инерция резко сокращает расстояние до моего нежелания думать о последствиях происходящего.

Стараясь не шуметь, поднимаемся по лестнице, аккуратно обходя стопки книг, газет и журналов, деревянные ящики и картонные коробки. Тщедушный Ванюша на площадке третьего этажа умудряется зацепить звонок одинокого велосипедика, и мы на секунду замираем.

Выбираемся на крышу через чердачное окно и, расстелив захваченные Василевсом номера «Советского спорта», становимся снова поэтами, заработавшими декламацией полчаса назад целых три рубля металлической мелочью на шумящем через квартал от нас Арбате. Все, кроме Ванюши. Он ходит за нами из-за Юльки.

Юлька стоит на самом краю крыши, смотрит в сторону Арбата и поворачивается ко мне:

– Как же мне хочется закричать! Не представляешь!

– Кричи, – улыбаюсь я.

– Я вам закричу! – машет руками Васька. – Чумовые вы оба.

– Вам, переводчикам, не понять! – смеется Юлька.

– Садитесь лучше жрать, – Василий достает из кармана банку шпротов и свой любимый нож-бабочку. – Иван Иванович, доставай.

Ванюша вынимает из-за пазухи рубиновую бутылку «Агдама»,

– Почему-то мне все время хочется тебя трогать, – говорит она, обнимая меня. – У меня к тебе особенное отношение. Я тебе говорила?

– Да, ты говорила. Слушай, мы ведь с тобой друзья?

– Ну да, а почему ты спрашиваешь?

– Ты помнишь, как мы остались на крыше?

– Конечно. Ну и наглый ты был, не то что теперь.

– Не провоцируй, – улыбаюсь я.

– А что мне остается?! Девушка к нему прилетела из самого Рима, а он!

– Ну, девушка прилетела не ко мне, а по своим делам. Если б не Фейсбук, вообще бы обо мне не вспомнила. Ты наших-то кого-нибудь видела? Слушай! Я же тебе не сказал! Мы в прошлом году встречались с Васькой! Тоже, кстати, через Фейсбук. Посидели в «Якитории», там, рядом, в «свечке». Ванюшу поминали... Жаль его. Мог бы еще пожить.

– Это вряд ли. Он много пил, особенно после нашего развода. Слушай, а он тогда читал? Ну, на Арбате?

– Ванюша? Он же вообще стихов не писал. Ты не помнишь, что ли?.. Редкий был экземпляр. Прости.

– За что?

– Как только входит бог вина,

– затягивает нараспев Васька, поднимая бутылку над головой, –

Душа становится ясна.

Гляжу на мир, исполнясь мира,

И золотом я и серебром –

Каким ни захочу добром –

Богаче Креза или Кира.

– Ронсар? – интересуюсь я.

– Ясен пень! – не меня интонации отвечает Василевс.

– Перевод твой?

– Левика, – виновато улыбается Васька. – Иван Иванович, ты что там строишь?

– Глянь, Юлька, Ванечка свил тебе гнездо из газет. Иди, отложи яичко, – смеюсь я.

– Никакой Леблан не беспонтовый, между прочим. А Ванечку нашего ты не обижай, – говорит Юлька. – Он хороший. Он увезет меня в Италию.

– Неужели он тебе так и не рассказал? – голос выдает меня неожиданной хрипотцой. – Вы же с ним десять лет прожили, да?

– Что не рассказал?

– Пошли к выходу, следующая наша.

– Что не рассказал?!

«Агдам» быстро кончается. Юлька с Василевсом уходят в магазин, и мы с Ввньюшей остаемся вдвоем. Я – с двумястами горючего в полупустом желудке, и он – тверезый, как бетюнский палач.

Закинув за голову руки, я лежу на теплой жестяной кровле, наблюдая как на абсолютно голубом небе чертит шероховатую белую линию серебристая точка самолета.

– Слышь, Антон? Нужно поговорить.

– Ну, говори.

– Я насчет Юли.

– Что насчет Юли? – поворачиваю голову к Ванюше.

Он стоит надо мной, еще забавнее отсюда, снизу, и я улыбаюсь несоответствию ракурса фигуре.

– Она твоя девушка? – Ванюша наливаются несвойственной ему маджентой.

– Что ты хочешь? Говори прямо.

– Я хочу на ней жениться. Ты же ее трахнешь и бросишь, как остальных.

– Притормози, чувак. Тебе не кажется, что это не твое дело?

– Я тебе дам отступные.

Я смеюсь:

– Ты хочешь купить то, что мне не принадлежит.

– Просто не мешай. Я тебе завтра дам десять штук зелени.

– А почему именно завтра, а не сегодня или через месяц? И предложил бы сразу миллион, чего мелочиться?

– Слушай, я серьезно. Ты ведь ее не любишь. Сегодня можешь делать что хочешь. И лучше трахни ее. Каждый получит свое...

Мы выходим на остановке. Теплый, пахнущий нагретым асфальтом, воздух.

– Кто должен был рассказать мне Ванюша? Антон! – она стоит передо мной абсолютно серьезная. – Ну?

– Какая теперь разница? Ты получила что хотела.

– Ты думаешь, мне это было нужно?

– А разве нет? «Это я на пляже в Ницце, это наш дом в Портофино». У меня тоже есть Инстаграм, между прочим.

– Ты просто исчез.

– Ты все равно меня не любила.

– Ты серьезно? Для тебя это когда-нибудь было важно?

– Хочешь поговорить об этом? – нервно улыбаюсь я.

– Да, я хочу поговорить об этом!

– Хорошо, – я вытягиваю паузу... нужно уходить от этого разговора, срочно... смотрю на часы и развожу руками. – Всё! Не успела. Пойдем, опоздаем.

Она молчит. Молчит и смотрит на меня. И вдруг резко вскидывает руку, и от хлесткой пощечины у меня вспыхивает лицо.

– *Мир будет принадлежать им.*

– *Кому им, Вася?*

– *Вот таким вот Иван Ивановичам.*

– *Ты думаешь, мы лучше?*